

ЧЕЛОВЕК-ОРКЕСТР

Елена
КАРАКОВЕВА

ПО-ИТАЛЬЯНСКИ

Очень живой, с пронзительными молодыми глазами и лукавой улыбкой... Попадая в поле действия Тонино Гуэрра, мгновенно утопаешь в его обаянии. Еще бы! Ведь Тонино Гуэрра – самый настоящий человек-оркестр: неутомимый романтик, жадный до жизни взрослый ребенок, безумно влюбленный в людей. Несмотря на солидный возраст, а 16 марта ему исполнилось восемьдесят лет, Тонино полон самых фантастических идей, которые, кстати, тут же материализуются: восстанавливает церкви, сооружает фонтаны, открывает рестораны, озеленяет долину реки Мареккиа, создает уникальный музей «Сад забытых фруктовых деревьев» и Аллею мыслей... Мы встретились в маленьком горном городке Пенабилле, недалеко от Римини. На центральной площади меня подобрала очаровательная жена Тонино – Лора. Кстати, она русская, москвичка, они вместе уже более двадцати лет.

– Тонино, как начался ваш роман с Россией?

– Однажды мне стал необходим снег. Мне было очень грустно в Риме. Как-то я встретил друга, философа, он посмотрел на меня и сказал: «Тонино, тебе нужен снег». Самое смешное, что я приехал в Россию летом. Снега не обнаружил, зато встретил Лору. Этот роман с Россией стоил мне отказа от работы над сценарием трех-четырех фильмов Феллини, хотя с ним меня связывает вся жизнь. Мы же оба из этих мест. Он – из Римини. Я – из Сантарканджело. Недавно я открыл в честь Федерико ресторанич La Sangiovese и украсил его рисунками. Так вот, когда я заболел снегом, на все недоуменные вопросы Феллини отвечал: «Я должен ехать в Россию». Хотя все же написал финал для «Репетиции оркестра», а для «Казановы» – поэму о женском сексуальном органе.

– Это Россия вдохновила вас на такие мысли?

– Тогда еще нет. Россия, которую я открыл для себя, это прежде всего люди, которые любили литературу. Меня, например, очень поразили ваши читающие таксисты. Недавно мы с Лорой вновь посетили Россию. Москва великолепна! Но люди стали менее интересными. Они далеки от поэзии жизни и, к сожалению, не слышат ее. Думают о долларах. Как это ни парадоксально, при коммунистах ваши люди были более духовными. Обидно не только за молодых людей, попавших в зависимость от наркотиков или алкоголя, но и за отсутствие убеждений. Нет больше общей мечты, идеалов. Видите, я ворчу как старик. Но ведь убеждениями может стать шум дождя, листья на ветру, аромат свежескошенной травы... Человек может выбрать что хочет. Мне бы хотелось как-то помочь людям увидеть истинную суть вещей. Я вовсе не религиозный проповедник и не хотел бы, чтобы мои слова восприняли как проповедь. Но, наверное, это единственный способ победить страх смерти.

– Вы боитесь смерти?

– Нет. Но хочу, чтобы и другие не боялись. У меня есть идея. В Италии масса покинутых сельских кладбищ. Мэрии городов могли бы предложить горожанам заботиться об этих заброшенных кладбищах. Люди приезжали бы навещать могилки родственников, а заодно отдыхали от мирской суеты. А когда настанет срок, они обрели бы покой в окружении красивых пейзажей вместо скучных городских погостов.

– Как вы стали «президентом реки»?

– Я написал поэтическое обращение к мэрам девяти городов, расположенных по берегам реки Мареккиа: кто хочет быть друзьями реки? Самая страшная разруха произошла в человеческих умах. Я мечтаю возродить в людях любовь к природе. Когда делаешь что-то хорошее для всех, а не для себя одного – это способ остаться в памяти людей. Мне нравится восстанавливать старинные заброшенные церкви. Таких церквей довольно много в Италии. Одна из них находится в живописном месте на скале. Я придумал легенду, что Мадонна, покровительница этой церкви, помогает тем бизнесменам, кто ее особо чтит. Тогда люди понесли деньги. Так же восстановили прекрасную часовню, придумав легенду о Мадонне снега. Как будто бы однажды в августе выпал снег и не таял именно на этом участке земли. Поэтому люди построили на этом месте церковь. Теперь каждый год в августе люди празднуют день своей Мадонны снега. Я участвовал в оформлении площади перед часовней: построил фонтан и ресторанич. Создал музей одной картины. Придумал сюжет, а местный художник написал ее. Речь идет об ангеле, который не знал, что делать, летал над хижиной охотника и давал чудесам птиц есть зерно. Все смеялись над ним: «Если даже на земле он ничего не смыслит, то, наверное, и Богу ничего не может принести полезного». Но в один прекрасный момент чучела этих птиц ожили и полетели. Идея такова, что фантазия и надежда творят чудеса. Если очень верить в то, что птицы живые, они обязательно полетят.

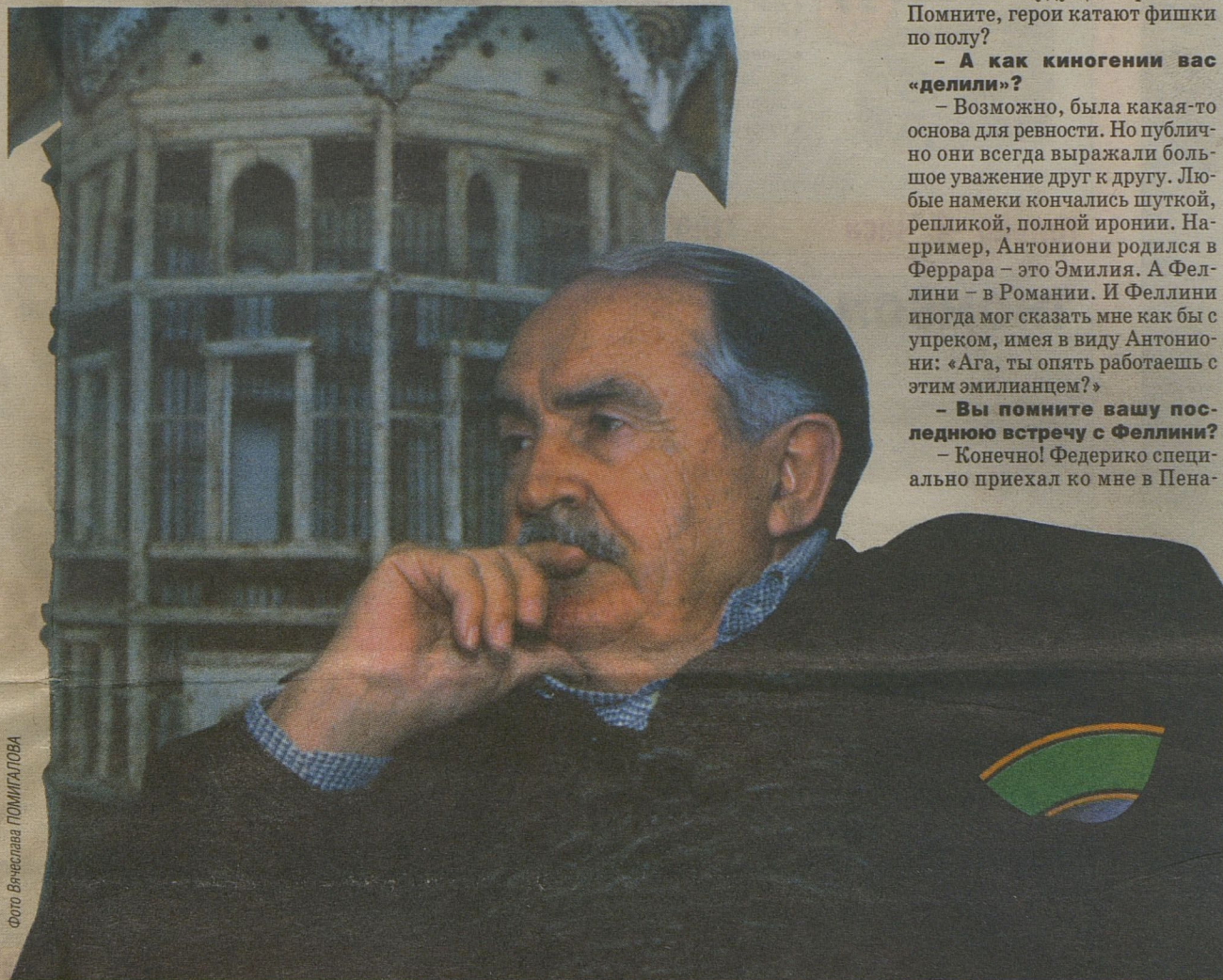

Фото Вячеслава ПОМИНОВА

– С какими идеями идете в третье тысячелетие?

– Каждый день у меня новая идея. Я их не делю по тысячелетиям. Например, сейчас собираю прекрасные мысли. Мне очень нравятся изречения монахов Востока. Например, можно ли сделать что-то большее, чем банальное совершенство. Что может быть больше, чем совершенство? Только ошибки. Ошибки – это слабость человеческая. И гениальность. В моей коллекции уже много разных мыслей.

– У вас есть проблемы?

– Равнодушие людей и застарелость мыслей. Например, убеждаю мэров наших городов: нельзя разрешать людям строить белые дома в горах, потому что разрушается гармония природы. Эти дома – как вставные зубы на лице прекрасной девушки. Я говорю: не сажайте в нашем районе экзотические деревья, например ели у моря. Ели живут в горах. Вы меняете естественное лицо вашей земли. Но все эгоисты и хотят быть единственными хозяевами своего маленького сада, своего дома. Люди не хотят понять, что земля – это дом для всех. Мы должны спасать все для тех, кто придет после нас. Хотелось бы сохранить то натуральное, что нас окружает. Чтобы люди чувствовали: здесь живет детство мира. В каждом из нас живет память наших предков и ощущение детской искренности и чистоты.

– Сейчас больше помнят, кто снял фильм, а не написал сценарий. Не обидно?

– Нет. Я искренне считаю, что режиссер – главный автор фильма. Между прочим, именно сценаристы в послевоенный период приложили немало усилий, чтобы возвысить роль режиссера. До войны в кино главной персоной был актер, звезда. А сейчас – режиссер.

– Как вам работало с Феллини и Антониони?

– Это всегда была игра. Например, сценарий фильма «И корабль плывет» мы написали за двадцать дней. «Амаркорд» – за десять, а «Джинджер и Фред» – и того меньше. С Антониони мы начинали работу с розыгрыша. Был случай, когда нам заказали сценарий к фильму «Ночь». Мы были у Антониони дома и ломали голову, с чего начать. А у него мраморный пол в черно-белую клетку. Нам он показался подходящим для игры в фишки. Мы избрали дистанцию в десять метров. И начали катать по мрамору фишку, которая по правилам не должна

была пересекать рамки нашего поля. Так разгорячились, что забыли о работе. А спохватившись, минут за десять придумали начало будущего фильма. Помните, герои катают фишки по полу?

– А как кинокритики вас «делили»?

– Возможно, была какая-то основа для ревности. Но публично они всегда выражали большое уважение друг к другу. Любые намеки кончались шуткой, репликой, полной иронии. Например, Антониони родился в Ферраре – это Эмилия. А Феллини – в Романи. И Феллини иногда мог сказать мне как бы с упрёком, имея в виду Антониони: «Ага, ты опять работаешь с этим эмилианцем?»

– Вы помните вашу последнюю встречу с Феллини?

– Конечно! Федерико специально приехал ко мне в Пена-

билле – посмотреть, как я здесь устроился после Рима. Мне запомнилась одна его фраза: «Тонино, разве ты не видишь, что наша профессия кончилась? Зачем изобретать самолет, если аэропорт закрылся?»

– Часто ли вы разочаровывались, видя готовый фильм?

– Это очень деликатный вопрос. Я же никогда не скажу, с какой женщиной у меня был роман. Но вам, пожалуй, скажу. Некоторое разочарование я иногда действительно испытывал. Когда роман написан, каждый читатель может вообразить себе свой собственный фильм, потому что работает его воображение. Он сам создает своих героев, атмосферу и окружение. А кино? Оно давит, предлагает готовые образы. Ты или их принимаешь, или нет.

– Вы работали и с русскими режиссерами. Трудно находить общий язык на разных языках?

– Мне повезло с вашими режиссерами. Они все – очень талантливые и непохожие друг на друга художники. Мне нравится, как складываются отношения с Андреем Хржановским. Он – человек большой внутренней культуры и замечательных внутренних качеств. У него поразительная интуиция и нюх на очень важные и точные детали.

– Что, по-вашему, мешает русскому человеку жить в гармонии с природой?

– Я должен попросить извинения у русского народа, у России, что буду размышлять о них. Трудно сравнивать маленькую Италию и великую Россию. В течение многих веков в Италии формировались условия для развития гармоничных отношений человека с природой. У нас нет полезных ископаемых. Поэтому мы должны были совершенствоваться в производстве хорошего вина, выпечивании великолепных фруктов, выделывании чудных сыров, строительстве удобных и прекрасных домов, уважении и любви ко всему, что ты делаешь. Я всегда говорю русским туристам, приезжающим в Италию: легко говорить «прекрасный Рим», «прекрасная Венеция». Лучше поезжайте в маленькую итальянскую деревню. Посмотрите, как устроены наши дома, сколько в них ванн и комнат, как возделывается земля. Россия – молодая страна и, может быть, слишком огромная. Очень трудно донести до каждой души всю нежность и поэзию через такие расстояния. Но я испытываю огромную любовь к России. Но пока в вашей стране туристу очень сложно из-за непомерно высоких цен и отсутствия дешевых домашних гостиниц, пансионов, где дают по утрам завтрак, как во всем мире.

– Вы всего добились, чего хотели?

– Мне жаль, что я не стал пианистом. А ведь у меня есть слух и голос. После освобождения из немецкого концлагеря я дирижировал оркестром, не зная ни одной ноты. В молодости танцевал степ не хуже Фреда Астера. Я абсолютно уверен, что здесь, в Пенабилле, мог бы с помощью фортепиано совершить признания в любви! Правда, мои мечты о музыке реализовались в сыне. Он – пианист, композитор. Пишет музыку для кино. Значит, жизнь прожита не зря.

Фото Вячеслава ПОМИНОВА

